

99

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

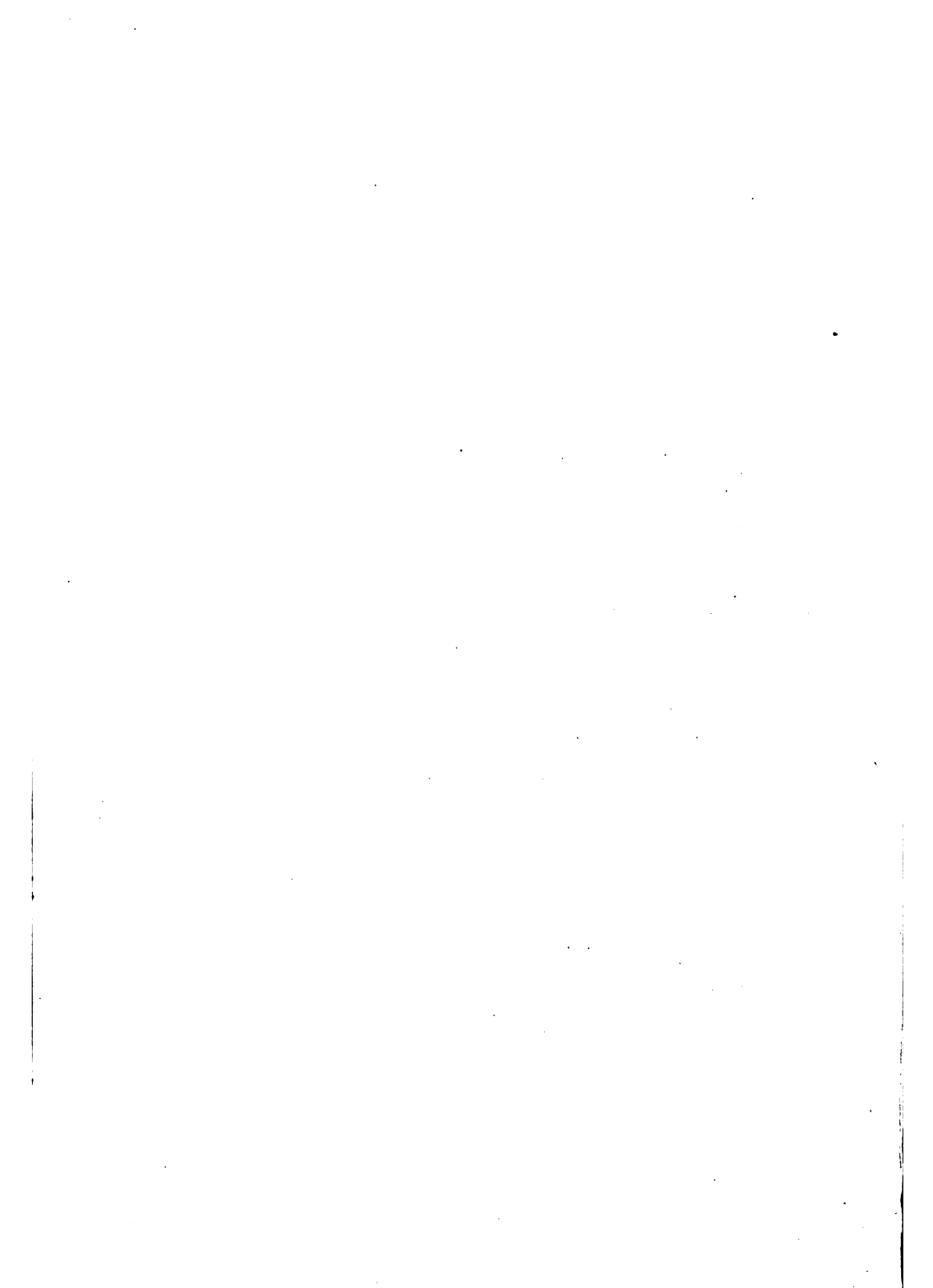
ГРИЦКО ГРИГОРЕНКО.

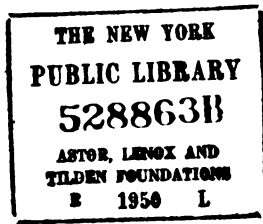

С. Петербургъ.
Въ типографіи Н. Фишона.
1857.

56
386

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 10 Марта 1857 года.

Ценсоръ В. Бикетовъ.

ПОЋЗДНА НА ЯРШАРКУ.

I.

У Петра Ивановича вскочил прыщ на носу. Это его чрезвычайно беспокоило.

— Отъ чего-же вскочилъ этотъ прыщъ на носу? Да, почему именно на носу? спрашивалъ онъ у Ивана Петровича.

— Помилюте, Петръ Ивановичъ, этотъ прыщъ почти незамѣтенъ, да и притомъ гораздо лучше, что это случилось именно на носу, чѣмъ гдѣ-нибудь на другомъ мѣстѣ; посудите сами....

Но Иванъ Петровичъ не успѣлъ договорить, потому-что дверь открылась и вошла Софья Тимофеевна, дородная супруга Петра Ивановича. Петръ Ивановичъ Полнощекоевъ былъ помѣщикъ С—ой губерніи. Когда-то служилъ онъ въ гусарскомъ армейскомъ полку, и достигши маіорскаго чина, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи, въ которомъ незадолго умеръ старикъ отецъ его. Петръ Ивановичъ, имѣя сердце очень чувствительное, не могъ долго прожить холостякомъ. Маленькіе глазки Софьи Тимо-

еевны, сосѣдки Петра Ивановича по имѣнію, скоро завладѣли
вполнѣ его душею; онъ не вытерпѣлъ, и нѣсколько времени
спустя по прїѣздѣ въ имѣніе, сталъ просить руки ея.
Она конечно согласилась тотчасъ же, также какъ и ея
родные: у Петра Ивановича было 500 душъ незаложенныхъ,
а это очень много значить для отставнаго маіора. Петръ
Ивановичъ былъ внѣ себя отъ радости, когда увидѣлъ
въ своемъ имѣніи, Лохвинки, такую милую хозяйку. Софья
Тимоѣевна была въ то время куда нетакъ дородна, какъ
теперь, но все-таки слыла между помѣщиками красавицей.
С—іе помѣщики очень любятъ дородность; это, впрочемъ,
ихъ спеціальность. Должно-быть обширность нашего госу-
дарства служить главною причиною этаго вкуса. Софья
Тимоѣевна тоже полюбилося село Лохвинки. Воспитанной
при родителяхъ, владѣвшихъ пятью душами крестьянъ, изъ
которыхъ двое были дворовыми и прислуживали въ домѣ,
одинъ въ видѣ кучера, другой въ формѣ повара, — ей
показалось привольно жить помѣщицей, въ своемъ домѣ,
имѣть свою деревню, свой скотный дворъ, свои хлѣбные
магазины и пр. и пр.; ей нравилась возможность прика-
зывать, распоряжаться по своей волѣ, по своему желанію.
Петръ Ивановичъ, который имѣлъ сердце чувствительное
и старался всею угодить своей любезной Сонѣ, подпалъ
незамѣтно подъ банникъ Софьи Тимоѣевны, какъ выра-
жался одинъ изъ моихъ знакомыхъ. Такъ прошли десять
лѣтъ, мирно, плавно, безъ особыхъ приключеній. Резуль-
татомъ всего этого было то, что Софья Тимоѣевна стала
неимоверно дородна и сдѣлалась полною хозяйкою всего
дома. Петръ Ивановичъ исхудалъ и конечно постарѣлъ,
сдѣлавшись вполнѣ подвластнымъ Софьѣ Тимоѣевнѣ. Онъ,
бывало, иногда и постарается противиться, но лишь только
она прикрикнетъ немного, мой Петръ Ивановичъ сдѣлается
еще тише, чѣмъ обыкновенно, согласится на все, и спря-

чется куда придется, лишь-бы умягчить или приостановить гнѣвъ любезной Софьи Тимофеевны.

Петръ Ивановичъ сохранилъ отъ своего прежняго военнаго, удалаго времени только два качества: сознаніе, что онъ очень видный мужчина, способный очаровать всякую красавицу, и что если онъ этого не дѣлаетъ, такъ потому только, что это ему ненужно и неугодно, а не потому-что онъ этого не умѣлъ-бы сдѣлать, и еще благородное стремленіе защищать всегда и вездѣ и отъ всѣхъ своего друга Ивана Петровича, отставнаго капитана, съ которымъ онъ познакомился вскорѣ послѣ своего переезда въ имѣніе.

Въ одинъ прекрасный день, Иванъ Петровичъ захалъ по дорогѣ къ Петру Ивановичу, чтобы изъяснить ему свое уваженіе, но найдя пріютъ этотъ очень удобнымъ, остался какъ-то незамѣтно въ немъ жить. Откуда пріѣхалъ Иванъ Петровичъ и куда онъ ѣхалъ, когда остановился въ селѣ Лохвинкѣ, никому небыло извѣстно, да, кажется, и самъ Иванъ Петровичъ этого не зналъ. Впрочемъ, Петръ Ивановичъ мало объ этомъ заботился; — ему понравился Иванъ Петровичъ: онъ всегда съ удовольствіемъ составлялъ ему вечеромъ партію въ пикетъ, говорилъ часто съ нимъ о вещахъ весьма интересныхъ, напримѣръ, о войнѣ двѣнадцатаго года, о туркахъ, подѣ часъ о томъ, какъ они хотятъ объявить намъ войну и ждутъ только помощи Франціи и Англіи, потому что сами трусятъ, мошенники, и пр. и пр. Однимъ словомъ, Иванъ Петровичъ очень нравился Петру Ивановичу, и кто-бы ни посмѣлъ затронуть Ивана Петровича, былъ закидываемъ самыми рѣзкими выраженіями, которыя Петръ Ивановичъ употреблялъ только въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ. Сама Софья Тимофеевна удивлялась, какъ Петръ Ивановичъ осмѣливался открыто сердиться на нее, когда она что-нибудь замѣчала противъ Ивана Петровича. Подобныя распри между

супругами еще происходили только тогда, когда Софья Тимофеевна укоряла Петра Ивановича въ томъ, что онъ самый уродливый человекъ, какого она только видѣла. Это чрезвычайно оскорбляло чувство собственнаго достоинства Петра Ивановича. Онъ не могъ тогда вытерпѣть, чтобъ не напомнить, что онъ отставной маіоръ и что нѣкогда стоило ему захотѣть, и всѣ лучшія и первѣйшія красавицы уѣздныхъ городовъ, въ которыхъ стоялъ его полкъ, бѣжали за нимъ пуще, чѣмъ за самыми молодыми офицерами, что онъ до-сихъ-поръ очень видный мужчина, хотя немного исхудалъ, и т. п.

При входѣ Софьи Тимофеевны Петръ Ивановичъ мигнулъ Ивану Петровичу, и вотъ почему онъ не успѣлъ договорить начатаго разговора.

— Удивительно хороша погода сегодня, сказалъ Петръ Ивановичъ, будто продолжая начатый разговоръ.

— Какъ я рада, Петушенокъ мой, сказала Софья Тимофеевна, что ты находишь погоду благоприятною. (Софья Тимофеевна очень любила уменьшительныя слова; она всегда называла своего мужа или Петей или Петрушей или Петушкомъ и Петушеночкомъ; только въ сердцахъ говорила она — Петръ Ивановичъ, и когда она его такъ официально называла, Полнощекоевъ весь дрожалъ уже отъ страха).

— Знаешь, Петапа, что я думаю?— Не повхатъ ли намъ куда-нибудь? Въдъ право скучно все сидѣть дома да дома.

— Куда это, матушка? Къ Александру Сергѣичу?

— Ахъ нѣтъ, что это ты выдумалъ! Что намъ развѣзжать по сосѣдямъ, они смерть какъ надоѣли, все тѣже да тѣже; да и что новаго отъ нихъ узнаешь!

— Такъ ты, матушка, хочешь съѣздить въ нашъ городъ? Да въдъ это очень далеко, — верстъ пятьдесятъ будетъ.

— Въ городъ? Вотъ это мило! Да что мы тамъ поте-

ряли? Зачѣмъ мы туда поведемъ? Да разве это городъ? Это просто таже деревня. Вотъ выдумалъ, батюшка мой, ѣхать въ эту глушь!

— Помилуй, матушка, возразилъ Петръ Ивановичъ: — городъ губернской, въ немъ всѣ присутственныя мѣста, тамъ живетъ губернаторъ, хоть мы съ нимъ и незнакомы, но все-таки у насъ тамъ знакомые и безъ него есть; да хоть председатель казенной палаты, очень милый человѣкъ, вполне достойный человѣкъ.

— Кто? Онуфрій Ивановичъ! Стоить ѣхать, чтобъ видѣться съ такимъ мошенникомъ.

— Да куда же ты хочешь ѣхать, матушка? протяжно спросилъ Петръ Ивановичъ, и лицо его выразило совершенный испугъ.

— Въ Нижній-Новгородъ, на ярмарку, сказала съ улыбкою Софья Тимофеевна.

— Въ Нижній-Новгородъ? на ярмарку? повторилъ Петръ Ивановичъ, и руки у него отнялись, ротъ остался полукрѣпкимъ, и въ недоумѣніи онъ не зналъ, что дѣлать. Самъ Иванъ Петровичъ, никогда не терявшій присутствія духа, былъ чрезвычайно изумленъ этимъ предложеніемъ, и не зналъ что сказать. Какъ-бы для того, чтобъ найти способъ выйти изъ этого положенія, онъ кашлянулъ.

— Ну, что-же ты остолбенѣлъ, оторопѣлъ, какъ кукла? сказала Софья Тимофеевна своему мужу. (Она не была очень разборчива на выраженія, когда что-нибудь было не по ней).

— Я... я... ничего, сказалъ Петръ Ивановичъ. Мнѣ кажется, что только... что это очень далеко; какъ намъ туда собраться?

— Какъ собраться? Просто велѣть заложить бричку и ѣхать.

— Бричку, повторилъ Петръ Ивановичъ: — но какъ же?

мы тамъ останемся долго? Что же мы будемъ тамъ одни дѣлать? Я никакъ не могу остаться безъ своего друга Ивана Петровича?

— Очень благодаренъ, Петръ Ивановичъ, очень благодаренъ, что вы такъ добры для меня! — И Иванъ Петровичъ пожалъ руку Петра Ивановича.

— Я привыкъ, продолжалъ мужъ, сыграть партіи двѣ, три въ пикетъ вечеромъ: кто же тамъ будетъ играть со мною?

Петръ Ивановичъ говорилъ это не по одному чувству любви и привязанности къ Ивану Петровичу, но мысль оставить даже на нѣкоторое время свой домъ, свои обыкновения и отправиться такъ далеко, въ шумный городъ, — ему, который десять лѣтъ прожилъ тихо, просто, въ деревнѣ, — сильно его тревожила. Онъ думалъ, что требуя отъ своей дражайшей супруги не покидать своего друга, онъ нашелъ лучшее средство помѣшать этому путешествію. Но Петръ Ивановичъ совершенно ошибся. Хотя Софья Тимоѣевна и сказала было: «куда это таскать съ собою всегда всѣхъ знакомыхъ и пріятелей, будто ты не можешь жить самъ по себѣ, будто я тебѣ и недостаточна для твоего счастья;» но выслушавъ очень почтительныя замѣчанія Петра Ивановича, который изъяснялъ, что хотя Софья Тимоѣевна его супруга, и притомъ любимая супруга, хотя ему всегда отрадно быть съ нею вмѣстѣ, и что онъ никогда и не желаетъ ничего больше, какъ ея общества, но все-же безъ Ивана Петровича, съ которымъ онъ сжился въ продолженіи десяти лѣтъ, трудно ему будетъ провести нѣсколько мѣсяцевъ, да что и сама Софья Тимоѣевна не будетъ спокойна, когда ея воспитанницы, ея Мимишка и Лолошка (двѣ любимыя собачки Софьи Тимоѣевны) будутъ далеко отъ нея.

Софья Тимоѣевна, выслушавъ задумчиво все это глубокомысленное разсужденіе, вдругъ воскликнула отъ радости, какъ будто только-что узнала очень пріятную новость: —

— Правда, правда, душеньчикъ мой, Петушекъ мой, Петя мой, ты правду говоришь, сказала она, поцѣловавъ мужа въ лобъ, что она дѣлала очень рѣдко, только отъ излишняго скопленія чувствъ.

— Такъ, мой Петапка дорогой, я тоже не могу разстаться со всѣми тѣми, съ кѣмъ привыкла жить. — Ты возьмишь съ собою Ивана Петровича въ бричку, а я сама сяду въ тарантасъ, и возьму съ собою *Миммику*, *Долохику*, *Зизину*, *Папу*, *Надежду Иванову*, всѣхъ, всѣхъ, никого не оставляю. Для чего оскорблять ихъ, оставляя однихъ. Да и мнѣ будетъ гораздо веселѣе.

Иванъ Петровичъ подошелъ къ Софѣ Тимоеевнѣ и поцѣловалъ ея руку съ чувствомъ признательности; но Софя Тимоеевна не замѣтила почти этого, она все продолжала:

— Ахъ, я еще забыла Аннету, мою дѣвушку; надо тоже взять и ее. — Пойду велю приготовить тарантасъ и бричку, чтобы выѣхать послѣ завтра.

Петръ Ивановичъ былъ совершенно уничтоженъ этимъ рѣшеніемъ; онъ только могъ вымолвить: «послѣ завтра? Какъ скоро!»

Софя Тимоеевна вышла.

— Что это вы такъ задумались, Петръ Ивановичъ? спросилъ Иванъ Петровичъ: — вѣдь это путешествіе будетъ полно удовольствія, — очень пріятное препровожденіе времени. Увидите разные города, села, и деревни. Притомъ и сама ярмарка очень любопытный предметъ; много пинутъ о ней, говорятъ, что очень интересно. Тамъ торговля, промышленность, искусства, все, все, очень занимательно.

Но Петръ Ивановичъ все молчалъ, и, казалось, повергнувъ былъ въ какую-то думу. Вдругъ онъ сдѣлалъ странное движеніе рукою, которое должно было предне-

ствовать какому-нибудь рѣшенію; но, по несчастію, рука его задѣла носъ.

— Тфу, этотъ прыщъ! и какъ еще больно! сказалъ онъ, всталъ съ мѣста и вышелъ изъ кабинета.

II.

Барская усадьба села Лохвинки была похожа на всѣ помѣщичьи усадьбы нашего отечества. На высокомъ каменномъ фундаментѣ, вмѣщающемъ въ себѣ подвалъ, погреба и кладовыя, освѣщенные полукруглыми окнами, стоялъ покрытый тесомъ одноэтажный домъ, съ высокою красною досчатою крышею. Посреди фасада стоялъ обыкновенный, величественный фронтонъ, поддерживаемый четырьмя колоннами тосканскаго ордена. По обѣимъ сторонамъ главнаго дома выстроены были два маленькіе каменные флигеля, выкрашенные желтою краскою. Въ одномъ была помѣщена кухня и прачечная, въ другомъ разныя хозяйственныя принадлежности. Подлѣ одного изъ нихъ длинное деревянное строеніе заключало въ себѣ конюшни и сарай.

Передъ домомъ и между всеми этими строеніями разстился огромнаго размѣра дворъ, заросшій почти весь травою и испещренный узенькими тропинками, происшедшими отъ частаго сообщенія между строеніями. Обыкновенно обширный этотъ дворъ былъ почти пустъ, развѣ какія нибудь двѣ индѣйки гордо ходили по травѣ. Еще у